

РАЗВОД
Я *Не* **ВЕРНУСЬ**

ЮЛИЯ РЯБИНИНА

Юлия Рябинина

Развод. Я не вернусь

«Литнет»

2025

Рябинина Ю.

Развод. Я не вернусь / Ю. Рябинина — «Литнет», 2025

Утро. На кухне пахнет кофе и свежей выпечкой. Дочка смеется. Муж улыбается мне так, будто вчера не говорил, что я поправилась и выгляжу как чучело. Я верю ему. Для меня он единственный. Ровно до того момента, пока не разжимаю пальцы. - Что это? - его голос становится глухим. Тест на беременность. Положительный. Секунда тишины. - Мама! Мама! Что там?! - звонкий детский голосок разносится по кухне. - Амина! - Удар кулака впечатывается в стол с хрустом. - Замолчи. Быстро. Я опешив, теряю дыхание. Дочка вздрагивает, начинает плакать. Я роняю тест-полоску. Она падает на пол. Муж пинает ее ногой. - Убери это немедленно. Я смотрю в его глаза. Там больше нет нежности. Там застывает неконтролируемая ярость. - Я сейчас выйду, - говорит он. - А, когда вернусь, чтобы этого мусора здесь не было. Понятно?! Молча киваю. - Завтра собираешься и едешь в клинику. Мне больше не нужен ребенок. Как, впрочем, и тебе. Ты и с одним не справляешься.

© Рябинина Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Я захлопываю дверь плечом, придерживая в другой руке пакеты, а Амина уже скользит мимо меня, будто маленькая молния.

— Мам, я первая! — смеется, бросает рюкзачок на пол, туда же падает резинка для волос, книжка и кукла, которую она таскает с собой даже в ванную. — Мам, ну ты будешь догонять?

— Амина, солнышко... ну не сейчас, — выдыхаю я и начинаю механически собирать вещи. — Прежде чем играть, нам нужно успеть прибраться до прихода папы.

Дочка выглядывает из гостиной.

— Мам, папа не будет ругаться, он никогда не ругается, — Амина продолжает носиться по квартире, как маленький тайфун.

— Не ругается зайка, но любит порядок.

И я сама слышу, как неправдоподобно натянуто, звучат мои слова.

Сегодня снова ничего не успела. Снова задержалась. Амир будет недоволен. Он в последнее время постоянно раздраженный. Возможно дела на работе идут неважно, но мне он об этом не говорит.

Отношу пакеты на кухне, по пути собираю все, что валяется под ногами. Дочка невыносимая неряха. О чем муж неустанно любит мне напоминать: *она такая неряха, вся в мать*.

В чем-то он конечно прав, я с ним не спорю и не оправдываюсь. Зачем. Все равно в нашем доме есть только одна правда, его.

— Амина, пожалуйста... не крутись под ногами. Остановись хоть на пять минут, иначе... иначе не получишь вкусняшку, — успеваю в очередном забеге поймать дочку за ручку, веду ее в комнату.

— Мам, я хочу помочь, — бубним Амина.

— Попозже. Иди пока заправь свою кроватку.

Оставив дочь в комнате, сразу возвращаюсь на кухню и ловлю себя на том, что дрожь подступает к ладоням, волнения перетекают в нервоз.

В мыслях тут же возникает образ Амира, его искаженные недовольством губы, и слова, которые бьют в самое сердце: *опять не успела приготовить ужин и убрать... Чем ты вообще занимаешься целыми днями?*

Так, Саб, успокойся, ты все успеешь, — уговариваю себя, продолжая наводить в доме иллюзию порядка. — *Сегодня не может быть иначе. Сегодня ты поговоришь с Амиром о том, что беременна. Поэтому соберись и сделай все как он любит...*

Но уже через пять минут хаотичной беготни по квартире я сдаюсь, Амир скорее всего уже на парковке.

Достаю большую плетеную корзину, которая стоит в шкафу и просто скинув туда все лишнее закрываю крышкой, прячу ее обратно. Разберу позже. Уборка подождет. Быстренько возвращаюсь на кухню, первым делом подхожу к окну и замечаю машину Амира. Авто стоит на привычном месте. Черт! Проклятье!

Спешно достаю из пакета куриные бедра. Кидаю их в мойку. Туда же летит картофель, лук, перец и помидоры. Обещала мужу, что на ужин будет рагу, он любит, но

— Мам, смотри, что я нашла! — Амина тычет в меня какую-то заколку.

— Солнце... попозже. Давай попозже, ты маме покажешь...

— Это папа подарил, — не отстаёт дочка.

Я включаю воду, параллельно загружаю не сортируя грязную посуду в посудомойку. Тут же переключаюсь, мою куриные бедра под струей ледяной воды, складываю в чашу, на это уходит бесконечно долгая минута. В голове прокручиваю неизбежный сценарий неприятного разговора с мужем и ловлю себя на том, что дышу слишком быстро. Когда с мытьем курицы

покончено, ставлю мясо рядом с разделочной доской, оборачиваюсь, чтобы взять нож... и в этот момент слышу, как открывается входная дверь...

Секунда. Две. Мир будто замирает и во мне все тоже.

— Паапаа!!

Амина взвизгивает от радости и несется к отцу. Я же остаюсь стоять на кухне, нож дрожит в пальцах, пытаюсь взять себя в руки, но ничего не получается. Выхожу навстречу Амиру. Сама же не прекращаю корить себя за то, что не успела приготовить ужин, не успела прибраться в доме, не успела быть идеальной.

Выхожу в коридор. Муж держит дочку на руках. Они о чем-то воркуют. Дочка обнимает его за шею. И не отлипает от него ни на секунду. Амир же, едва касаются ее щечек легкими, быстрыми прикосновениями. Дочка улыбается, она не видит оттенков холодности в его движениях. Зато их вижу я.

— Привет, дорогой, — решаю, объявить о себе, так как муж до сих пор делал вид, что не замечает моего присутствия, словно я часть мебели.

Он оборачивается ко мне и меня в буквальном смысле придавливает к стене его ледяной взгляд.

— Что с тобой? — бегло с головы до ног окидывает меня оценивающим взглядом.

— Что? — на автомате прохожусь ладонями по волосам, понимая что они растрепаны, приглаживаю одежду.

— Выглядишь так, как будто только что марафон пробежала, — он проходит мимо меня в направлении кухни.

Фух... выдыхаю и улыбаюсь слишком широко и старательно.

— А, ты об этом, — семеню за ним, — Амир... прости. Я не успела ничего приготовить. День такой... суматошный...

— Ага, — только и говорит он, даже не оборачиваясь.

Сажает Амину на стол. Щелкает пальцем по носику:

— Ну что, принцесса, как дела в садике? — подходит к мойке берет чистый стакан набирает воду. И осушает содержимое одним глотком.

У меня внутри все сжимается. Я стою в дверях, стискиваю пальцами локти. Я знаю, что сейчас будет.

— А я не была сегодня в садике! — гордо сообщает Амина. — Мы ездили к тете Олесе! А еще я манекенам у мамы на работе делала прически!

Амир медленно поворачивает голову ко мне.

Взгляд каменный. Пауза режет воздух так, будто его рассекает острое лезвие ножа.

— Вот как? — произносит он тихо.

Я начинаю говорить раньше, чем успеваю подумать:

— Амир, мы... просто не успели сегодня в сад. Я проснулась поздно, и потом...

— Мне не важно, почему, — его голос становится ровным, плоским, без единой эмоции.

— Сабина, я уже говорил: если твоя работа мешает заниматься ребенком, закроем салон.

— Амир, прекрати. Это случается не так часто, чтобы ты мне ставил подобный ультиматум.

— Амир, я постараюсь все успевать. Ты просто устал, да?! Поэтому вредничаешь... — говорю мягко, примиряюще, а внутри ощущение такое, будто я провинившийся ребенок.

Амина тянется у отцу, показывая в открытой ладонке заколку.

— Папочка, смотри что я нашла...

Муж не смотрит на дочку, он пожирает взглядом меня. Вижу, как напрягаются скулы, нашее пульсирует тугая синяя вена. Я тут же подхожу к дочке, снимаю со стола.

— Пупсик, иди поиграй в комнату, а? — шепчу ей на ушко. — Потом к папе придешь.

Она улыбается и убегает в другую комнату, хлопая по полу маленькими пятками. Я же развернувшись к Амиру, подхожу к нему вплотную, заглядываю в глаза. Не навязчиво, а как всегда, по-домашнему, просто... хочу увидеть в его взгляде понимание и нежность.

— Дорогой, ну прости... Я оплошала. Признаю. Ну не сердись, я обязательно составлю распорядок дня. Больше этого не повториться, — я тянусь к нему, приоткрываю губы, подставляя их для поцелуя, но Амир даже не смотрит. Его взгляд пустой, направлен мимо меня.

— Я в ванну, — его сухой поцелуй едва касаются моей щеки будто случайно, словно это просто формальность.

Отступает на шаг, стягивает с себя пиджак и кидает мне. Я ловлю его, прижимая к груди. Амир разворачивается, чтобы уйти, но на пороге вдруг останавливается, поворачивает голову.

Оценивающий взгляд скользит по мне с головы до ног. Ощущение такое, что он рассматривает товар на прилавке, но взгляд такой, как будто этот товар уже давно просрочен.

— Ты вообще в зеркало смотришься, Сабина?

— Что? — я выдыхаю, не понимая, к чему он клонит.

Он морщит нос, будто запах ему не понравился.

— Волосы не ухожены. Под глазами синяки. И... — взгляд скользит вниз. — Ты набрала. Сердце больно сжимается, как будто кто-то пальцем тронул синяк.

— Я просто устала... — шепчу.

— Работаешь в салоне красоты, — продолжает он, спокойно, но с четким презрением в голосе, — а сама уже давно этому не соответствуешь.

И только после этих слов уходит в ванную. Я же остаюсь стоять посреди кухни в полной растерянности с его пиджаком на руках, с сырым мясом на столе, с грязной посудой в мойке, и с полным сердцем обиды.

— Маам, я хочу рисовать. Давай порисуем вместе? — Амина заглядывает на кухню, тянет фломастеры, а я еле сдерживая подступающие слезы... улыбаюсь ей.

— Конечно, — внутри все дрожит, клокочет, — а почему альбом не принесла, зайка? На чем будем рисовать?

— Ой, забыла, — босые ножки снова стучат по полу.

Я смотрю ей вслед, и на глазах все же выступают предательские слезы.

За что он так со мной? Я разве это заслужила? Я всегда старалась все делать для него, для дочки. И что взамен я получаю? Претензию по моей внешности?

Это смешно! И несправедливо. Смахнув влагу с ресниц, кидаю на спинку стула его пиджак и возвращаюсь к приготовлению ужина. Все делаю на автомате, режу курицу на мелкие куски, мою овощи, все складываю в противень и сую в духовку, а у самой в голове только один вопрос: что происходит с Амиром? Почему он так жесток по отношению ко мне в последнее время?

— Мам, я нашла! — залетает на кухню мой маленький ураган и кидает на стол альбом.

— Молодец, — натягиваю улыбку, мою руки, подхожу к дочке. — Что будешь рисовать?

— Папу, тебя и меня, — довольно выдает дочка.

— Прекрасно. Тогда начинай, а если что-то не будет получаться помогу, договорились?

Амина кивает, усаживает за стол, и прикусив кончик языка начинает активно водить фломастером по альбомному листу. Я вытираю стол, убираю лишнюю посуду, но не оставляю, а сразу мою ее.

Настроение на нуле. Обида снова подкатывает горечью к горлу. Беру стакан, наливаю воды, и ровно так же как это сделал Амир осушаю его одним глотком. Тихо повторяю себе: «Устал. Просто устал. Бывает».

Амир выходит из ванной спустя двадцать минут.

Чистый, свежий, с мокрыми волосами, одетый в домашние штаны. Аромат геля для душа разносится по всей квартире, перебивая запах еды. Я втягиваю носом его аромат, но почему-то чувство в груди возникает паршивое, как будто бы мы отдаляемся друг от друга с каждой минутой, как будто он для меня в моменте стал чужим, неродным. Муж заходит на кухню, не глядя в мою сторону подходит к Амине. Я продолжаю суетиться, делая вид, что ничего не произошло. Задаю какие-то вопросы, сама на них отвечаю, так как понимаю, что обратной связи от Амира не получу.

Искоса наблюдаю за тем, как Амир сажает дочку на колено.

Телефон кладет рядом. Отмечаю про себя, что экраном вверх, ему нечего скрывать. Искорка радости проскальзывает во мне. Ничего что он не смотрит на меня, разозлился, я понимаю, пройдет. Я постараюсь сделать все для того, чтобы он сменил гнев на милость.

— Рассаживаемся по местам, ужин готов, — говорю я, расставляя тарелки на столе.

Пока я накладываю ужин, Амир разговаривает только с дочкой, слушает повторно о том, как она делала манекенам прически в салоне, про то, как помогала тете Олеся, про соседку, которая выгуливала собаку и упустила поводок...

Амир улыбается словам дочки легко, нежно, а в мою сторону так и не смотрит, как будто пытается наказать безразличием, и от этого внутри начинает растекаться какая-то слабость, словно я становлюсь прозрачной. Ловлю себя на том, что немного ревную его к дочке. Сжимаю зубы, нет - это неправильно. Это не те чувства которые должно во мне быть. Амина - это моя любовь, мое чудо, моя жизнь.

Ужин проходит в напряжении, но оно ощущается только между мной и Амиром. После ужина, Амир берет дочку и уходит в детскую, чтобы уложить ее.

После того как на кухне становится пусто, я еще несколько минут сижу и смотрю в пустой проем, в каком-то непонятном ожидании... Что хочу увидеть?! Сама не знаю, возможно того, что Амир сейчас появится в дверях и извинится за свои слова?

Но это были пустые надежды. Я встаю со стула, подхожу к дверному проему, прислушиваюсь. Из детской доносится приглушенный голос Амира, по его интонации понимаю, что он читает сказку Амине. И все вроде бы как обычно, но есть одно маленькое "но", рядом нет меня.

Когда Амина засыпает, Амир сразу уходит в спальню. Не заглянул, не позвал меня.

Я слышу, как он ложится на кровать, как шурша одеялом поворачивается на бок. Абсолютно игнорируя то, что меня нет рядом, мои чувства, мое состояние.

Я возвращаюсь к столу. На автомате собираю посуду. Вытираю поверхность столешницы. Включаю кран и медленно, очень медленно мою тарелки, столовые приборы. Сосредоточившись на шуме воды, я гоню из головы все дурные мысли. Зачем устраивать сцену? Завтра все точно наладится. Утро вечера... как говорят, мудренее. Встану пораньше, приготовлю ему завтрак, и все ладиться.

Домыв посуду, я освобождаю посудомоечную машинку, расставляя чистые тарелки на места. Закончив с уборкой, и прежде чем отправится в ванную, я решаю заглянуть в детскую, проверить спит ли Амина.

Прохожу мимо спальни и, именно в этот момент телефон на тумбочке вибрирует. Тихо, едва слышно, но я успеваю заметить как экран вспыхивает голубоватым светом.

Я замираю. Зачем? Не понимаю сама. Жду наверное реакции Амира, но потом понимая, что если он повернется и увидит меня в дверях, я буду выглядеть так, как будто собираюсь подглядывать за ним, поэтому заставляю себя идти дальше.

А у самой в голове застревает вопрос о том, кто ему написал.

Головой то понимаю, что это с работы, потому что больше не откуда. Тем более Амир всегда на связи, ему всегда кто-то пишет, звонит... Так почему именно сейчас в голову лезут паршивые мысли?

Я не должна придумывать лишнее. Не хочу не ревновать, не подозревать... Потому что у меня есть свое очень важное, нет, огромное, то, что я должна ему сказать.

Но сегодня, как я планировала, уже не выйдет, не получится. Я не готова услышать от него “Сабина, мне сейчас не до этого. Поговорим, когда я остыну.”

Я ему скажу об это завтра. Когда он будет спокоен, тем более у него выходной.

В параллели со своими мыслями, я заглядываю в детскую, Амина крепко спит обнявшись с игрушкой. Я целую дочку в сладкую щечку, поправляю одеялко, и стараясь быть бесшумной покидаю спальню прикрывая за собой дверь не до конца.

Да. Завтра будет идеальный момент (продолжаю культивировать мысли о том, как скажу Амиру о беременности).

Мы поедем гулять, Амина будет смеяться, и это придаст легкость в воздухе. И он услышит меня. Примет новость, как и полагается любящему мужу.

В ванной мне хватает пятнадцати минут, чтобы смыть с себя запахи еды и усталости, расчесать спутанные волосы, умыться, нанести ночной крем. Мне важно вернуться в спальню не той запыханной, растрепаной женщиной, которую он увидел на кухне, а собой: ухоженной, аккуратной, спокойной. Той которая его любит и заботиться о нем...

Я ложусь рядом тихо, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить. Потому что Амир уже спит. Я прижимаюсь к его спине, кладу одну руку под голову, другую на живот, туда, где трепещет совсем еще крошечная жизнь. Но я уже сейчас чувствую, тепло, которое разливается под пальцами. И это пока что, мой маленький секрет.

Я уже почти засыпаю, когда вдруг тишину нарушает, тихая, но настойчивая вибрация телефона на прикроватной тумбочке. Я замираю. Открываю глаза. Телефон звонит один, второй раз. Амир даже не шевелиться.

Глава 2

Утро наступает неожиданно быстро, а осознание того, что вчера произошло максимально неприятное. Я вчера так и не поняла в какой момент получилось уснуть. Терзалась диким желанием взять телефон мужа и посмотреть, кто ему звонил, но так и не осмелилась.

Встаю с кровати. Дверь в спальню закрыта, поэтому и не проснулась рано, Амир видимо не дал дочке разбудить меня.

И стоит только открыть дверь тут же окунаюсь в приятный аромат свежесваренного кофе и выпечки. Делаю неуверенный шаг вперед, кажется что я как будто бы ошиблась дверью и вчерашнего вечера не было совсем.

Захожу на кухню и меня окутывает теплом, все неприятные чувства, что будоражили меня сходят на нет, стоит только увидеть, как Амир с дочкой переговариваясь шепотом начиняют уже готовые пончики, сливочным кремом.

— Доброе утро, — я улыбаюсь, чувствую себя так хорошо, что кажется еще немного и у меня за спиной вырастут крылья и я взлечу от счастья. Все же я была права. Амир просто устал вчера, потому что сегодня он смотрит на меня совсем по другому, улыбается, и в глазах нежность и тепло.

— Ой, мама проснулась! — вскакивает на стуле Амина и тянет ко мне ручки.

— Доброе утро, дорогая, а мы тебя заждались, — Амир, подходит ко мне и целует в губы. — Выспалась?

Я не могу оторваться от него. Вот он, мой любимый и обожаемый муж. Тот же как и всегда. Я не медля не секунды обнимаю его за шею и не смотря на то что он может испачкать меня кремом, который держит в руках, прижимаюсь к нему всем телом. Я так вчера испугалась, так перенервничала, что готова была расплакаться из-за того облегчения, которое сейчас испытываю.

— Да, — выдавливаю шепотом. — Пожалуйста, не делай так больше, — умоляюще смотрю на него, муж улыбается и ничего не успевает ответить, потому что к нам подбегает Амина, обнимает меня за ноги.

— Мам, почему ты плачешь? — смотрит на меня снизу вверх, глаза на мокром месте.

Амир отдает мне крем, Амину подхватывает на руки.

— Это что вы тут мне за влагу разводите. А ну-ка быстро за дело. Мама нам сейчас помогает с начинкой и мы садимся завтракать вкусными пончиками приготовленными по секретному папиному рецепту специально для моих принцесс.

Амина хлопает в ладоши, громко, звонко. Я не переставая улыбаться и наблюдать за мужем и дочкой, подхожу к столу и продолжаю делать то, что до этого делал Амир, начиняю пончики.

— Ты вчера поздно легла? — неожиданно задает вопрос муж, кидая в мою сторону беглый взгляд. — Совсем не слышал, как ты пришла. Стоило головой коснуться подушки, тут же уснул.

После этих слов сразу же переключается на Амину, но я успеваю заметить в его глазах, что-то напоминающее тревогу.

— Нет, не поздно, — отрицательно качая головой, убеждая себя в том, что мне это показалось.

— Значит, тоже не слышала, как звонил телефон? — продолжает задавать вопросы Амир.

— Нет, — вру и не краснею.

— Не стоит больше ставить телефон на виброзвонок. Это был важный звонок, на который необходимо было ответить, — тяжело вздыхает Амир, а у меня аж отлегло.

Какая же я глупая, полночи мучилась, изводила себя. Надумала всякой чуши... А оказалось, что звонили по работе.

— Ты прав, любимый, — коротко киваю, и вдруг где-то внутри, на подсознании, зарождается чувство вины, от того, что обманываю мужа.

— Ладно, ничего страшного. Сегодня со всем разобрался. Вчера навалилось всего. И тебе нагрубил, — неожиданно ласково произносит муж. — Извини.

У меня все млеет внутри. Сердце тает, словно шарик клубничного мороженого от жаркого солнца.

— Не переживай, дорогой. Я все понимаю.

Когда все готово, выкладываю пончики на блюдо, Амир наливает нам кофе, Амине наводит какао. И тут я вдруг понимаю, что сейчас именно тот момент, когда нужно сказать Амиру, что я беременна.

От предвкушения, сердце начинает биться в груди быстрее, разгоня горячими волнами по венам кровь, пульс поднимается. Я резко встаю из-за стола.

— Сабина, что случилось? — Амир в недоумении смотрит на меня, даже отложил пончик, который собирался съесть.

— Сейчас! Мне нужно кое-что тебе сказать, — я выбегаю из кухни, в ванной достаю припрятанный за баночкой с кремом тест, сердцебиение зашкаливает, возвращаюсь обратно.

Подхожу к Амиру. У мужа глаза расширяются все больше с каждым моим движением. Протягиваю к нему зажаты в кулак тест.

— Что? — голос мужа сиплый, в нем ярко звучат нотки недоумения.

— Да, мамуль, что там?

Навостряет ушки Амина, привстает на своем месте.

Я разжимаю пальцы. Секунда... Две... И... Лицо Амира вытягивается, когда приходит осознание того, что перед ним тест с двумя полосками.

— Мама! Что там? Покажи! — нетерпеливо стучит ладошками по столешнице Амина.

А у меня все в горле пересыхает, когда Амир поднимает на меня глаза. Черные, зрачков не видно совсем. Меня пробивает дрожь.

— Что это? — гримаса злости искажает его лицо. — Как? Когда?

— Ну мамочка!

— Амина! — громко, оглушительно громко ударяет Амир по столу кулаком. Посуда звенит, Амина пугается вскрикивает.

Я вздрагиваю и тест выпадая из моих пальцев, падает на пол.

— Убери это немедленно, — басит муж. Встает из-за стола. Откидывает ногой тест-полоску в сторону. — Я сейчас уйду. Вернусь позже. Тогда и поговорим.

Он проходит мимо меня, и я чувствую ледяную волну холода, обжигающую мое плечо, когда его кожа касается моей.

— Амир, — мой голос дрожит, чуть ли не плачу.

Но муж не останавливаясь направляется в спальню. Я не смею пойти за ним и уж тем более попытаться его остановить. Мои ноги, словно налитые свинцом прирастают к полу.

Дверь хлопает и только тогда, я вздрогнув прихожу в себя. Амина всхлипывает, я смотрю на дочку, но ее силуэт расплывается перед глазами.

— Иди ко мне, зайка, — я опускаюсь на колени, тянусь руками к бегущей ко мне дочке. Обнимаю ее, когда она падает ко мне в объятия.

— Мама, я испугалась... — хнычет Амина, я прижимаю ее к себе еще теснее.

— Милая, папа разозлился на маму, не на тебя, — пытаюсь успокоить дочку, на голос срывается.

Мы сидим с Аминой на полу посреди кухни, окруженные запахами кофе, пончиков: ну зачем, зачем я испортила решила ему показать этот тест прямо сейчас?

Всхлип вырывается против воли. Закусываю до крови внутреннюю часть щеки. Не сейчас не перед Аминой. Я не могу еще больше напугать дочку.

И снова дверь хлопает, в этот раз входная. Мы с Аминой вздрагиваем синхронно. Смотрим в коридор. В абсолютной тишине сидим несколько минут, а потом я собираюсь с силами и встаю. В груди же разрастается нехорошее предчувствие от того, что разговор с Амиром еще предстоит. И он для меня будет болезненный.

Я хожу по квартире, будто после шторма, руки дрожат, мысли скачут, дыхание то сбивается, то задерживается. Паника душит.

Амина ходит за мной хвостиком, все время заглядывает в лицо, будто пытается понять, почему мама такая... тревожная и невеселая.

Я изо всех сил, пытаюсь быть перед дочкой спокойной, собранной. Улыбаюсь ей. Беру на руки. Глажу по волосам. Чмокаю в щечки. Но ей как будто этого мало. А я больше дать не могу, чувствую, что я словно одна большая натянутая струна, стоит дернуть и тут же порвусь.

Когда дохожу до предела, звоню Амиру, но он не берет трубку. Я не унимаюсь, набираю снова и снова. Но в трубке слышу только длинные гудки, и у меня в животе все холодеет именно в том самое место, где маленькая жизнь... Зачем он это делает? Зачем?

Откладываю трубку, упираюсь взглядом в пустоту. Я думала, знала, что он будет не в восторге. Я готовила себя к этому. Но *такого от мужа не ожидала?*

И эти его черные, злые глаза... этот удар кулаком по столу... его пренебрежительное «убери это»...

Все. Не могу больше, я резко встаю из-за стола. Цепляю пальцами кружку с чаем, она со звоном падает на пол.

— Черт! Черт побери, — цежу сквозь зубы. Не хватало того, чтобы Амина проснулась.

Я все вытираю и иду в детскую, чтобы проверить дочку.

Заглядываю в приоткрытую дверь, Амина свернувшись калачиком, крепко спит. Выдыхаю с облегчением.

Возвращаюсь обратно. Оглядываюсь по сторонам в поиске хоть чего, что может отвлечь меня от навязчивых идиотских мыслей о том, где муж? и чем он сейчас занимается?

Включаю воду. Начинаю мыть посуду. Ложка выскальзывает из рук падает в раковину. Это невыносимо! Все валится. Все не так. Ничего не выходит.

Сажусь обратно за стол. И ловлю себя на мысли, что не могу остановить в голове карусель, которая состоит из оправданий поступка Амира: *Может, он испугался? Может, переживает волнуется обо мне? Может, думает, что я не справлюсь?*

Но когда все домыслы заканчиваются, ответ внутри меня один:

Я хочу этого ребенка. И я не откажусь от него, какие бы доводы не приводил Амир. Пусть закрывает салон. Пусть делает все что угодно, но я хочу, хочу второго ребенка.

К вечеру я настолько вымотала себя тревогой, что сидя сейчас возле кровати Амины понимаю, что уже не чувствую ни спины, ни ног. Дочка уснула, прижимаясь ко мне, когда мы смотрели ее любимый мультфильм. Не отпускала меня от себя, будто боялась чего-то.

Я нежно глажу ее крошечную ладонь, целую пальчики, а сама прислушиваюсь не открывается ли дверь. Амир так и не вышел на связь. И я очень сильно волновалась из-за этого. С тревогой поглядываю на часы. Половина десятого, он должен был давно быть дома.

И вдруг щелк. Дверь входная открылась и закрылась. Потом шаги по коридору. Он идет на кухню.

Меня прошибает током. Я вскакиваю, как будто меня ужалило током. Спешно выхожу из детской, плотно прикрываю за собой дверь. Иду вслед за мужем на кухню.

Амир стоит в дверном проеме. За его спиной темнота. Он ждет меня. Я это понимаю по его взгляду. Внешне спокойны. Даже можно сказать подозрительно спокойный.

Я подхожу к нему. Останавливаюсь на расстояние вытянутой руки.

— Амир... — я почти шепчу его имя, и в этом шепоте целый день переживаний, страхов, слёз

Но во взгляде мужа не мелькнуло никаких сторонних эмоций. Он пуст.

— Нам нужно поговорить, — говорит он ровно, и повернувшись ко мне спиной заходит на кухню садиться за стол. — Алиса, свет включи, — его обращение к интеллектуальному помощнику звучит много мягче, чем ко мне.

Секунда и свет загорается в нише. Мягкий, струящийся, совсем не подходящий для предстоящего разговора.

— Ты долго еще будешь переминаясь в дверях? — слишком грубо кидает мне. — Заходи и дверь закрой. Не хочу, чтобы дочка слышала.

У меня в груди что-то проваливается.

— Амир, — начинаю я, делаю шаг вперед, закрываю за собой дверь. — Почему не отвечал на звонки? Я... я волновалась, — выдыхаю, делаю еще шаг к нему, потом еще и останавливаюсь возле стула. Кладу ладони на спинку.

— Сабина, — он поднимает голову. Взгляд холодный, непроницаемый. — Хватит театра. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя. И все обдумать.

У меня перехватывает дыхание.

— Амир... пожалуйста... давай просто поговорим нормально...

Он не моргает. Просто произносит:

— Ты должна сделать аборт.

У меня звенит в ушах. Я даже сначала не поняла что он сказал. Сознание отказалось принимать и обрабатывать слово “аборт”.

— Что?.. — это вырывается у меня само собой.

— Мне не нужен ещё один ребёнок, — он говорит это все в одной тональности спокойнее, уверенно. Так, что обжалованию его решение не подлежит. — Мне достаточно Амины.

У меня сердце начинает биться где-то высоко в горле, так больно, что не могу сделать полноценный вдох.

— Амир... ты же не можешь это говорить серьёзно... пожалуйста...

Он отводит взгляд.

— Я сказал все. Мое решение не подлежит обсуждению.

Он встает со стула. И не останавливаясь ни на миг, проходит мимо и направляется в коридор. Секунда. Две... Я резко поворачиваюсь, меня разрывают изнутри эмоции. Иду за ним.

— Куда ты? — голос хриплый царапает небо.

Амир останавливается на пороге.

— Я сегодня не буду ночевать дома.

— Амир... Не уходи, — прошу.

— Сабина, хватит. Я тебе все сказал. Предлагаю подумать над моими словами хорошенько. И завтра же исправить ситуацию. В нашем случае, второй ребенок для нас будет обузой. Если не смогла нормально позаботиться о том, чтобы не забеременеть, значит, делаешь аборт и точка. Завтра заеду за тобой утром. Отвезу в клинику. Все. Отдыхай.

Он не дает сказать ни слово. Да я бы и не смогла. Разворачивается и снова уходит.

Я стою в коридоре, уперевшись рукой стену, чтобы не упасть. Мир дрожит, будто потерял точки опоры. И в этот момент... в эту тишину, которая образовалась после его ухода. я вдруг слышу шорох за углом. Потом движение, и мир будто обрушивается на меня раскаленной лавой, когда из-за угла выходит Амина...

Она стоит передо мной маленьким, растрепанным домовенком. Глаза огромные. На ресницах дрожат слезы.

— Ма-ма?..

Амина стоит босая, сонная в своей мягкой пижамке. Я делаю вдох. Потом еще. Мне нужно, что-то ответить дочке, но слова вязким комом застряли в горле.

— Мам... а где папа? — она моргает, сначала смотрит на дверь, потом переводит взгляд на меня. — Я слышала его голос.

У меня сердце падает вниз. Слышала? Что именно она слышала? Отталкиваюсь от стены делаю несколько шагов, и приседаю перед ней обнимаю:

— Папа уехал по делам. Все хорошо, солнышко, — стараюсь удержать голос ровным.

Но Амина вдруг вырывается из моих рук. Отстраняется:

— Папа ругался. Почему? — смотрит пристально, и слишком внимательно для пятилетнего ребенка. — Ты опять его рассердила?

И тут меня прорывает, отчаяние накатывает волной. Всклип вырывается самопроизвольно.

Амина, несколько секунд стоит в растерянности, а потом кидается мне на шею, обнимает крепко.

— Мама не плачь...

Кладет мне голову на плечо, и я чувствую теплую влагу на коже.

— Амина, зайка моя. Все хорошо. Правда. Не плачь моя хорошая.

Я глажу дочку по волосам. По спинке. Поднимаюсь с колен и иду в детскую. Я знаю, Амина все понимает по-своему, дети всегда чувствуют больше, чем мы думаем.

В детской укладываю Амину в кроватку. Сама ложусь с ней рядом, потому что она не отпускает меня. Укрываю нас одеялом.

Амина, немного отстраняется от меня, кладет ладошки мне на щеки:

— Мам... ты не плачь больше из-за папы. Я не дам ему тебя обижать, — взгляд карих глаз уверенный, воинственный... Она сейчас похожа на маленькую амазонку.

Сердце рвется в груди на части. Это выше моих сил. Почему я такая слабая? Почему позволяю себе быть никчемной там, где должна проявить твердость?!

Сглатываю подступающие к глазам слезы. Накрываю ладошки дочки своими, сжимаю пальчики, подношу к губам, целую.

— Спасибо, моя сладкая. Ты у меня такая храбрая. Но с папой из-за меня тебе точно не нужно ссориться, договорились? — но дочка упрямо вздергивает подбородок, тем самым показывая, что не согласна со мной.

Такая милая и такая уверенная в своем настрое, что не сдерживаю улыбки, щелкаю ее по кончику носика.

— Спи, моя родная. Нам завтра рано вставать.

Дочка какое-то время смотрит на меня, будто пытается что-то понять, и вдруг произносит тихо-тихо, почти шепотом:

— Мамуль, я тебя люблю. Ты тоже закрывай глазки. Пусть тебе приснится волшебный сон.

Она ложиться ко мне на руку. Прижимается близко, закрывает глазки и засыпает почти сразу.

Я же не сплю почти всю ночь. Лежу рядом с ней, слушаю ее дыхание и думаю, думаю, думаю... Почему он так? Почему так жестоко? Почему наш ребенок ему не нужен?

Глава 3

Утро наступает очень быстро и резко вырывает меня из сна. Я с трудом поднимаюсь. Тело наполовину немое. Глаза режет от невыплаканных слез. Веки набухшие тяжелые. Смотрю на Амину, дочка еще спит. Такая маленькая. Ладонки под щечкой, так нежно. Моя маленькая зайка. Я тянусь к ее личику, чтобы убрать за ушко прядь волос, глаза дочки тут же открываются, она садится, протирает глаза.

Тянется за своей любимой игрушкой плюшевым медвежонком и ставит его передо мной.

— Мам, теперь он будет всегда с тобой.

— Амина... Ты что?! Это твоя игрушка... — пытаюсь шуточно возмутиться.

— Мам, это чтобы ты больше не плакала, — она серьезно кивает.

Я смотрю на дочку. Душа плачет. Сердце рвется на куски, но в глазах сухо.

— Держи, мамуль, — дочка сажает игрушку мне на колени.

Горло сжимает спазм и я в порыве прижимаю Амину к себе и понимаю: нет, я не смогу, просто не смогу сделать то, что требует он. Пусть я потеряю салон, и даже если Амир вдруг захочет уйти пусть. Аборт я сделать не смогу.

Не проходит и двух минут после наших утренних обнимашек с дочкой, как неожиданно раздается стук в дверь. Я дергаюсь, как будто от выстрела.

Амина вопросительно смотрит на меня, а я вспоминаю, что после ухода Амира закрылась на дополнительный замок, и он стучит, потому что не смог открыть дверь ключом.

— Это папа пришел. Я же тебе вчера говорила, что у него были дела, — чмокаю Амину в носик.

Подхожу к двери и прежде чем открыть дверь, выдыхаю.

Амир стоит на пороге. Холодный. Спокойный. Чужой.

— Собирайся, — говорит он, даже не заходя. — Нам нужно успеть.

И у меня внутри что-то щелкает. Очень тихо. Но необратимо. Я отступаю, а Амир продолжает стоять в дверях, с таким видом, как будто предлагает мне поход в кафе.

— Амир, — я делаю шаг еще назад.

Муж даже не взглянул на меня, смотрит куда-то мне за плечо, словно я пустое место.

— Я тебе сказал собирайся, — повторяет он. — Мы должны успеть.

Я хватаюсь за дверную ручку, чтобы не пошатнуться. От его спокойствия мне становится физически плохо. Его тон говорит о том, что он все взвесил. Все решил.

Без меня. Без нас.

— Амир... — начинаю снова, но голос придает, выходит слишком тихо.

— Сабина, — он обрывает, как ножом. — Пожалуйста, не начинай с утра. Сегодня все должно быть быстро. У нас мало времени.

У нас? У НАС?

Я чувствую, как что-то горячее поднимается из груди вверх. Это даже не злость. Это... отчаяние, смешанное с рвущейся наружу силой, о которой я даже не знала.

— Мне нужно... — я делаю вдох, — мне нужно поговорить с тобой.

— Обязательно поговорим после поликлиники.

Он делает шаг внутрь, и я чувствую его давление, в коридоре как будто воздуха становится меньше, и моя решимость колеблется. Но я вдруг чувствую за спиной движение. Там Амина. Это мысль придает мне сил.

— Нет, — мой голос звучит твердо, и я сама этому удивляюсь.

Он поднимает взгляд. Наконец-то смотрит на меня.

В его глазах вспыхивает молния раздражение.

— Сабина, я не собираюсь снова обсуждать. Ты умная женщина, ты понимаешь, что сейчас... не время.

— А когда? — спрашиваю я. Голос дрожит, но я не отступаю.

Муж долго молчит, пожирая меня взглядом. Время тянется, а он не произносит ни слово, и меня это начинает пугать.

— Когда все станет на свои места, — наконец говорит. — Когда ты научишься распределять свое время. Когда перестанешь мечтать о том, что все потянешь. И вот даже сейчас, я тебе все это говорю, а у тебя одно состояние незрелой, взбалмошной девчонки. Разве нет? — он останавливается, но не для того, чтобы перевести дыхание, а для того, чтобы дать время мне. И когда не получает ответа продолжает. — Хочешь возразить? — усмехается. — А не можешь, так? Потому что аргументов нет. Хватит заниматься дуростью. Я тебе сказал, что у меня мало времени. Иди одевайся.

Но я не двигаюсь с места. Смотрю на него. Тело дрожит от возмущения, от того как он давит. Не дает мне и минуты на то, чтобы я смогла ответить.

Он смотрит на меня сверху вниз спокойно, холодно, уверенно.

Как человек, который привык, что его слово закон.

— Ну..., — повторяет он медленнее, делает шаг в мою сторону, а я с места двинуться не могу. Стою как прибитая. — Я жду.

И в этот момент в коридоре появляется Амина. Маленькая. Лохматая. Под мышкой медвежонок. Она смотрит то на меня, то на Амира. Муж отвлекается, теряет надо мной контроль. Я же пользуясь его заминкой увеличиваю между нами расстояние, подхватываю Амину на руки, а она не спуская глаз с Амира, тихо спрашивает:

— Пап... ты заберешь маму?

А мужа останавливается взгляд. И я впервые вижу, как его дыхание сбивается. Он растерян. Смотрит на Амину невидящим, пустым взглядом.

У меня внутри все леденеет от осознания того, что сейчас может произойти.

Амир делает шаг к нам, потом еще. Я прижимаю Амину крепче. Муж пытается натянуть на улыбку, но у него ничего не выходит.

— Солнышко, — обращается он к дочке, — давай ты побудешь немного в своей комнате. Сабина, — коротко, твердо, почти как приказ, звучит мое имя, и я должна без продолжения понять, что он хочет мне сказать.

— Нет, — произношу вслух, но тут же жалею, когда Амир поднимает на меня взгляд из-под бровей. В глазах лед.

— Сабина. Я что-то сказал непонятное? Мне повторить? Отпусти Амину, не пугай ребенка своим поведением.

— Папа... Я не хочу.

Амир больше не разговаривает. Не разуваясь он подходит к нам, забирают у меня Амину. И направляется к детской.

— Папа... — Амина хнычет, она пугливо смотрит на меня, тянется ко мне свободной ручкой. — Мама...

— Амир, что ты делаешь? Ты пугаешь ее, — я сжимаю ладони так сильно, что ногти впиваются в кожу. — Почему тебе все мешают? Почему мы не можем ничего обсудить спокойно? Тебе обязательно нужно запугать? Подавить меня? Так может это не я не справлюсь с ребенком, а ты? Именно поэтому ты сказал, что мне нужно... убрать ребенка! Моего. Нашего!

Голос срывается, но я не позволяю себе отступить, если сейчас отступлю, проиграю. — И после всего этого ты хочешь, чтобы я... молча пошла с тобой?

— Замолчи, — цедит сквозь зубы.

Заносит дочку в комнату, я за ними, но он кидает в мою сторону такой взгляд, от которого мурашки бегут по спине. Останавливаюсь в дверях.

— Солнышко, побудь здесь. Нам с мамой, нужно поговорить.

— Папа, — трет кулачками мокрые глазки Амина.

— Побудь здесь. Хорошо, — каждое слово как будто вбитые молотком гвозди в деревяшку.

Амина падает на подушку, зарывается в ней лицом.

Меня колотит крупная дрожь. Сердце бьется о ребра как сумасшедшее. Я делаю шаг в направлении Амины. Материнский инстинкт зашкаливает, и кажется, что я сейчас готова на все, но Амир словно предугадывая мои действия резко поворачивается в мою сторону.

— На выход. Быстро, — рычит сквозь зубы. Расправляет плечи, от чего кажется таким огромным, и тяжелым, что под его давлением я могу сломаться.

— Амир, я останусь здесь, — моя интуиция орет во все горло, что лучше сейчас подчиниться, и не сопротивляется ему, но что-то толкает меня вперед, что-то не дает сделать шаг назад.

Амир, ровняется со мной, хватает за локоть и не задерживаясь ни на секунду в комнате Амины, в буквальном смысле вытаскивает меня в коридор, применяя силу. Захлопывает за нами дверь.

— Ты не в себе? Совсем с катушек слетела? Ты что устраиваешь?

— Я?! — выдыхаю, а перед глазами мир плывет от ярости, которая полыхает во мне синим пламенем.

— Да, — говорит он тихо, опасно. — Ты! Ты, Сабина. Ты посмотри что с тобой происходит. Неуравновешенная, психопатка. Да о каком втором ребенке, ты вообще говоришь. От тебя Амину изолировать нужно. Ты это понимаешь?

Я смотрю на мужа, расширенными от удивления глазами. Он сейчас серьезно? Но по тому, что я вижу в его взгляде вдруг приходит ментальное осознание того, что да.

— Амир, ты что такое говоришь? — во мне ментально угасает запал. Я вдруг в моменте понимаю, о чем сейчас думает муж. И это меня пугает.

— Сабина, — он делает вдох, — у нас уже есть ребенок. Тебе тяжело. Ты устаешь. Ты сама это понимаешь.

Голос мужа внезапно становится мягким. Злость, сходит на нет. Он подталкивает меня на кухню.

— Пойдем. Не хочу, чтобы Амина что-то слышала.

— Амир, я хочу, чтобы ты меня услышал, — резко разворачиваюсь к нему, когда мы заходит, смотрю в лицо. — Я мама, Амир. И я справлюсь. Я не пойду на аборт.

Амир смотрит на меня сверху вниз. И снова в глазах пустота. А это значит одно. Я до него не достучусь. Он принял решение. И чтобы я сейчас не говорила. Он меня не услышит.

— Сабина, какая же ты все таки глупая. Совсем ребенок. Ты сейчас не понимаешь, что делаешь, — у него ровный голос, нет ни тени на эмоции. — Подумай. Пока не поздно.

— Амир. Я приняла решение, — чувствую, как губы дрожат, но я не прячусь. — Я буду рожать. Никакого аборта не будет.

Между нами виснет тишина. Густая, тяжёлая, почти материальная.

Он смотрит на меня долго. И я вижу, как в нем меняется решение. Взгляд становится глубже, темнеет. У меня все сжимается внутри.

Он отступает на шаг назад.

— Ладно, — говорит он ровно. — Раз ты так решила...

На секунду мне хочется верить, что он принял мой выбор, но потом он добавляет:

— Тогда тебе стоит знать, что последствия будут.

И поворачивается, чтобы уйти. Я ловлю воздух ртом. Сердце падает куда-то вниз, как тяжелый камень.

— Амир...

— Разговор окончен.

Глава 4

Я приезжаю к Олесе почти на автомате. Внутри полное опустошение. Угроза Амира до сих пор звучит в ушах. Не знаю, что делать, как поступить. И сестра - это единственный человек, который меня обязательно поймет и поддержит.

Дочка сидит рядом. Она смотрит по сторонам, растерянная, заплаканная. Глядя на ее состояние, не понимаю, как Амир может быть таким бессердечным.

— Амина, солнышко, — поворачиваюсь к дочке, глажу ее по щечке, — все наладится.

— Папа нас больше не любит, да? — она поднимает на меня свои огромные глаза, с мокрыми ресницами, сердце дергается, как будто в него ткнули острой иглой.

— Ты, что такое говоришь, солнышко, конечно он нас любит.

— Тогда почему он злится, мамочка? Почему?

Слезы огромными бусинами скатываются по ее щекам, путаются в волосах. Я еле сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

— Амина, — я замолкаю, потому что голос срывается, как дочке объяснить состояние Амира?! Как ее успокоить?! Какие слова подобрать?! — Помнишь, наш папа очень много работает. Ему тяжело. Он устает. Поэтому и злится. Ему просто нужно отдохнуть. Мы немножко побудем у тети Олеси, а папа побудет дома.

— Мамочка, папа устал от нас? мы ему мешаем?

Боже! Это сведет меня с ума! Я не знаю... Не знаю, как объяснить дочке, почему ее отец такая безжалостная сволочь!

— Солнышко. Нет конечно. Давай поступим так. Мы ему дадим немножко времени по нам соскучиться. Вот увидишь, он уже сегодня вечером за нами придет, — Амина смотрит на меня с недоверием. — А если нет, я куплю тебе все что ты захочешь. Договорились?

Я знаю, что это неправильно. Знаю, что так нельзя, но это единственное, что приходит мне в голову.

Секунда. Две. Три. Я вижу как меняется настроение дочки. Слезы высыхают моментально. Губки растягиваются в улыбке.

— Мам, я хочу лабубу, как у Максима.

Только не это. Амир, если узнает о том, что я пошла на поводу у дочки, он меня точно приберет, но это пусть будет потом, сейчас, я готова на все, лишь бы Амина отвлеклась и не переживала из-за нашей с ним ссоры.

— Хорошо, будет тебе лабуба как у Максима.

Мы выбираемся из машины. К нам навстречу уже идет Андрей, это помощник мужа Олеси. Я знаю, что сестра с мужем в поездке, но она мне писала, что сегодня должна вернуться.

— Сабина, здравствуйте. Олеси Маратовны нет...

— Добрый день, Андрей, да я знаю. Но... я думаю, она будет не против если мы ееждем.

— Конечно. Пойдемте я вас провожу.

Я беру, Амину на руки, Андрей забирает у меня сумки. Идет вперед, я за ним.

— Сабина. Амина. — На пороге нас встречает Татьяна Николаевна. Рядом с ней Матвей, сынишка мужа сестры. — Здравствуйте, мои хорошие! Амина, а ты почему у мамы на ручках? устала топтать ножками?

— Здравствуйте, Татьяна Николаевна, — пытаюсь натянуть улыбку, но выходит не особо искренне.

— Сабина, что-то случилось? — Татьяна Николаевна, протягивает руки, забирает Амину, но та тут же проситься к Матвею.

— Да, баба Таня, папа на маму кричал, теперь она плачет, — тут же выдает Амина, у меня аж дыхание перехватывает. — Мам, можно мы поиграем с Матвеем? — и смотрит на меня, как ни в чем не бывало.

Я делаю два коротких вдоха и выдох. Вижу, что Татьяна Николаевна, взгляд с меня не сводит. Держусь из последних сил, чтобы не разрыдаться.

— Ну, что ты спрашиваешь, солнышко. Конечно можно. Матвей, присмотришь за Аминой? — вместо меня отвечает женщина, сама же не спускает с меня глаз.

— Конечно присмотрю, ба, — отвечает мальчик с серьезным видом. Татьяна Николаевна, опускает Амину, Матвей берет ее за ручку и тянет за собой. — Пошли, Амина.

— Только аккуратно, далеко не уходите, — напутствует малышей женщина.

Дети убегают в другую комнату. Я замечаю, как в ту же секунду в дверях появляется Андрей и идет за ними.

— Я присмотрю, — кидает нам коротко, исчезает в дверном проеме.

Татьяна Николаевна поворачивается ко мне. В глазах тревога. На лице озадаченное выражение.

— Сабина, — начинает она... и я не сдерживаюсь больше. Падаю в кресло. Надрывное рыдание рвет грудную клетку. Царапает горло.

— Сабина. Милая, ну что ты. Что ты.

Я чувствую теплые женские руки, они успокаивающе гладят меня по голове. Спине.

Я понимаю, что она сейчас думает обо мне, как о ненормальной, но остановиться не могу. Рыдание душит. Слезы не останавливаются. Я хочу сказать. Хочу выплеснуть все, но не могу сказать ни слова.

— Господи. Сабина. Я тебя умоляю успокойся...

Я слышу, как ее голос становится дальше. Шаги быстро удаляются, потом она возвращается:

— Сабина. Посмотри на меня! — повышает голос женщина.

Я отрываюсь от мягкого подлокотника, поднимаю лицо.

— Выпей, — она сует мне в руки стакан с водой, пальцы дрожать, вода в стакане плескается, — Сабина.

Татьяна Николаевна помогает мне сделать глоток, поднеся стакан к губам.

— С...па.сибооо, — заикаясь, выдавливаю из себя по слогам.

— Сабина, объяснишь что у тебя произошло? — женщина присаживается на подлокотник. Забирает стакан, ставит его тут же на столик. — Тебя ударил муж?

Я закусываю губу. Отрицательно качаю головой.

— Он... он... сволочь... — это единственное, что получилось сказать, потому что после этих слов, меня накрывает новой волной рыдания.

Я не знаю сколько по времени, я находилась в этом состоянии. Помню только, как Татьяна Николаевна помогла мне подняться. Отвела меня на кухню, посадила за стол. Она много говорила. Постоянно задавала вопросы, я отвечала коротко, либо просто кивала головой и рыдала, надрывно, без стеснения. Я не могла остановиться, до тех пор пока не услышала родной голос сестры:

— Сабина? Что случилось? Что... что произошло? — она хватается меня за плечи, трясет.

— Сабина! Слышишь меня? Посмотри! Что случилось?! — я не могу выйти из состояния панички, в которую сама себя загнала.

— Она такая уже несколько часов... — шепчет у меня над головой Татьяна Николаевна. — Я ничего не могу от нее добиться. Только плачет. Как будто боится что-то сказать.

— Сабина, милая! Ну посмотри на меня! — умоляет сестра, и я чувствую, как ее горячие ладони обжигают кожу. Я позволяю ей поднять мою голову. Сестра смотрит в ужасе на меня.

Открываю рот в попытке что-то сказать, но с первого раза не получается, только с третьего мне даются слова:

— Олесь... Амир... Он... он чудовище.

Глаза сестры останавливаются. Взгляд становится тяжелым, наливается яростью:

— Что он сделал?! — она почти кричит. — Он ударил тебя?! Он тронул тебя?! Скажи!

— Неет! — резко дергаю головой.

А потом, меня будто прорывает:

— Он... он хочет... чтобы я сделала аборт.

— Сабина... — она опускается передо мной на колени. — Ты... ты...

— Я беременна, Олесь... И он сказал... сказал, что ребенок ему не нужен. Что сейчас не время. Что я должна "сделать все правильно". А я не могу... я не могу это сделать... Я лучше разведусь с ним, чем пойду на то, чтобы сделать аборт.

Говорю сбивчиво, но Олеся понимает. Она слушает внимательно, не перебивает. На кухню возвращается Татьяна Николаевна. Садится напротив, смотрит на меня спокойно. И тоже слушает. Муж сестры, уходит ровно в тот момент, когда понимает, что в этом пространстве он лишний.

— Олесь... мне страшно. Я не знаю, что он сделает, если я откажусь...

После шквала эмоций в голове стоит гул, а в горле чувствуется металлический вкус страха..

— Сабина, — голос Татьяны Николаевны, ровный, спокойный, — ты сейчас на эмоциях. Это понятно. Но рушить семью из-за страха мужчины не всегда правильно.

Выдает она совершенно неожиданно.

Я сначала не воспринимаю ее слова всерьез. Неужели она и правда так думает?

Я сжимаю пальцы на чашке.

— Он сказал, чтобы я сделала аборт... Татьяна Николаевна. А я не хочу.

— Сабина. Мужчины часто пугаются, — продолжает она мягко, но уверенно. — Им нужно время чтобы понять, осознать это. Ты сильная. Ты умная. Может, стоит еще раз поговорить? Спокойно. Без ребенка рядом.

Сестра кивает, чем тоже меня удивляет не меньше Татьяны Николаевны. Но добивает меня не это, а ее слова:

— Дай ему шанс, Саби. Хотя бы чтобы потом не корить себя, что не попыталась спасти семью. Развод это не выход, и возможно не самое правильное решение.

Я молчу. Внутри все сжимается. Я не уверена. Ни в чем. Но слова Татьяны Николаевны и сестры ложатся тяжелым грузом на плечи. В голове полный хаос. Мысли чувства, сомнения, тревоги, все перемешивается в адском коктейле, превращаясь в сомнения.

Вообщем после некоторых раздумий я решаю, что Амина побудет у Олеси, а я поеду домой, для того, чтобы еще раз без эмоций поговорить с Амиром.

Я приседаю перед дочкой, обнимаю ее.

— Ты побудешь здесь немного, хорошо? С тетей Олесей, с бабушкой Таней и Матвеем. Мама ненадолго уедет, а потом вернется.

— А ты домой поедешь, чтобы с папой поговорить? — спрашивает она тихо.

Я киваю. И неожиданно для себя, почему-то верю, что делаю правильно.

Я возвращаюсь домой. Внутренняя дрожь не оставляет меня ни на секунду. Я знаю что Давида нет дома. Я прежде чем подняться, специально прошла мимо парковки, место где стоит его машина было пустым. Я закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и несколько секунд просто стою, вслушиваясь в пространство.

Квартира кажется непривычно пустой и слишком большой. В ней нет ни единого звука, и это пугает, кажется будто из нее кто-то вытащил сердце и забыл положить обратно.

Я стою в оцепенении. Эмоций почти нет.

Только в голове, словно на повторе шелкает фраза Татьяны Николаевны: *«Дай ему шанс. Не рушат семью из-за страха».*

Я повторяю ее слова как мантру. Отлепляюсь от двери, разуваюсь, прохожу на кухню, ставлю сумку на стул. Оглядываюсь.

Шанс. Время. Разговор.

Я цепляюсь за эти слова, не выпуская из головы ни на секунду. Потому что как только перестая их повторять, единственно что хочу сделать - это сбежать.

В квартире все осталось на своих местах ровно так, как я и оставила.

Амир домой не приходил.

В квартире не грязно. Но я чтобы хоть чем-то занять себя, решаю заняться уборкой не потому что нужно, а потому что *так проще не думать о предстоящем разговоре.*

Переодеваюсь в домашнюю одежду. Собираю волосы в хвост. Включаю негромкую музыку, потому что в полной тишине находится невыносимо.

Все движения автоматические. Я двигаюсь по давно заученной схеме.

Ванная. Тряпка с ведром. Вода и чистящие средства. Прохожусь по поверхностям влажной тряпкой. Одновременно напевая знакомую песенку, которая льется из колонки.

Когда с влажной уборкой закончено. Захожу в гардеробную. Достаю корзину из шкафа, в которой лежат вещи для стирки. Собираю все в кучу, захватываю пиджак Амира. Обычно я отвожу его пиджаки и брюки в химчистку, но сегодня решаю сама этим заняться, так как один пиджак в химчистку везти бессмысленно.

Перекидываю пиджак через плечо. Он тяжелый, пахнет его одеколоном и улицей.

В ванной все скидываю на пол. Загружаю машинку вещами. Включаю стирку. Пиджак вешаю на вешалку. Достаю отпариватель, но прежде чем начать чистку, скольжу руками в карманы. Я не думаю ни о чем, просто проверяю, нет ли там ключей, визиток, смятых чеков, я делаю так всегда... И в этот момент пальцы натываются на ткань.

Мягкую. Тонкую. Совсем не похожую на подкладку. Я замираю.

— Нет... Этого не может быть, — вырывается нервный смешок.

Потому что первое что приходит на ум, это то, что в кармане женские трусы... Глупо... Откуда они у Амира...

Продолжая усмехаться, я достаю то, что мне не нравится на ощупь.

В моих пальцах женские трусы. Я смотрю на них и сначала *ничего не чувствую.*

Вообще. Ни злости. Ни боли. Ни удивления. Будто внутри кто-то щелкнул выключателем вырубив все эмоции, чувства.

Потом становится холодно. Так резко, что у меня перехватывает дыхание. Я медленно оседаю на пол, рядом со стиральной машинкой. В пальцах, которые больше ничего не чувствуют все еще держу трусы. И до сознания никак не доходит, что это реальность. Мозг подкидывает различные варианты о том, что это:

Может быть, ошибка? Может быть, какой-то глупый розыгрыш? Может быть...

Мысли начинают разгоняться не находя опоры.

Вдруг цепляюсь... Нет, выхватываю одну за хвостик: может это мои?

Но, смотрю на трусы, и понимаю что нет. Это не мой фасончик. Однозначно нет. Не мои.

И в этот миг все, что я сегодня слышала про: “дать шанс”, “не рубить с плеча”, “мужчины пугаются” осыпается внутри, как картонный домик, сгорает одномоментно, превращаясь в пепел.

Я встаю с ледяного пола. На негнущихся ногах иду в нашу спальню. Аккуратно кладу трусы на покрывало.

Стою над ними и впервые за весь день кладу ладонь на живот не чтобы успокоить себя, а чтобы *удержаться* от падения... Нет, не на пол, не на кровать, а гораздо глубже, туда где женщины решившиеся на развод, перестают быть чьими-то женами и еще не понимают, кем они станут дальше.

В этот момент мне становится ясно одно: разговор, ради которого я вернулась, *уже не имеет смысла*. Это конец.

Глава 5

Я засыпаю в гостиной на диване под какой-то фильм, который даже не помню. Картинка мелькает, герои что-то говорят, а я проваливаюсь в вязкое, беспокойное забытие.

Просыпаюсь резко, но не ото сна, а от ощущения того, что в квартире кто-то есть. Сначала просто лежу, прислушиваясь. Потом слышу, негромкий, глухой звук, как будто поставили стакан на стол или сдвинули стул. Амир.

Я поднимаюсь, не включая свет, иду на кухню босиком, медленно, словно если буду двигаться тише, то реальность исчезнет и вопрос решится сам собой.

Дверь на кухню открыта. Амир сидит за столом.

Перед ним бутылка из темного стекла, рядом стакан для виски, в котором на доньшке осталась прозрачная жидкость. Запах резкий, горьковатый, непривычный для нашего дома. Я останавливаюсь в дверях.

Амир поднимает голову и смотрит на меня снизу вверх. Взгляд чуть мутный, но цепкий. Не пьяный, но опасно прищуренный в своей расфокусированности.

— Не спишь, — говорит он, чуть замедляя слова.

Я молча подхожу ближе, опираюсь ладонью о спинку стула. Чувствую, как холод от дерева уходит в пальцы.

— Нет. Жду тебя.

Он вдруг неожиданно переводит взгляд куда-то за меня, как будто пытается что-то рассмотреть.

— Амина где? — вопрос без эмоций, но с тонким нажимом.

— Я оставила ее у Олеси, — смотрю на него в упор.

— Хм, умно, — усмехается, и я чувствую в его тоне скрытую угрозу. — Ладно. Пусть сегодня будет так, — не говорит, а как будто одолжение делает, я чтобы не сказать лишнего, крепче сжимаю спинку стула. — Возможно это и к лучшему, потому что я обо всем договорился, — произносит он, будто продолжая разговор, который мы начали еще вчера. — Все решено и завтра поедем утром.

Следом в стакан льется жидкость темного цвета. Он делает глоток. Медленный. Показательный. Ставит стакан ровно по центру стола, а меня аж трясет от его спокойствия.

— Амир... — мой голос звучит глухо. — Ты вообще слышишь меня?

Еле сдерживаюсь чтобы не клацнуть зубами.

Он снова смотрит сквозь меня. Будто уже принял решение и разговор просто формальность.

— Я слышу прекрасно. Ты на эмоциях, Сабина. А это не лучшее состояние, чтобы решать такие вещи.

Я чувствую, как внутри что-то начинает дрожать. Не сразу. Медленно. Как будто натягивается струна.

— Ты не имеешь права, — говорю я тише, чем хотела. — Это мой ребёнок.

Он резко поднимает глаза.

На секунду во взгляде мелькает раздражение, но миг и снова контроль.

— Наш, — ледяной тон, режет ухо.

— Нет, — я качаю головой. — Когда тебе удобно, он наш, а когда нет ты решаешь за меня. Так?

Я отхожу на шаг, потом еще на один. Сердце бьется быстро, в висках шумит.

Понимаю, что контролировать себя уже не могу... Нерв рвется и я срываюсь:

— Ты знаешь, почему не хочешь этого ребенка?! — слова вырываются сами, громко, на надрыве. — Потому что ты давно живешь не со мной! Потому что я тебе мешаю! Потому что я тебе не нужна!

Он вдруг напрягается. Вижу как плечи каменеют. Расправляются.

— Прекрати, — резко. — Ты сейчас несешь полнейшую чушь.

— Нет! — я почти кричу. — Я знаю! Я все знаю!

Я разворачиваюсь и иду в спальню быстрым шагом, почти бегу. В груди жжет бешеное пламя злости, в глазах темнеет. Подхватываю с кровати трусы и возвращаюсь на кухню швыряю их на стол.

— Это чьё, Амир?! — голос срывается в истерику. — Ты мне изменяешь?!

Ткань падает рядом со стаканом, прямо перед ним.

Он смотрит вниз. Секунда. Две.

В его глазах мелькает удивление. А следом взгляд темнее, становится опасно спокойным, и этот взгляд он медленно поднимает на меня.

Я отшатываюсь назад, как будто от удара и вдруг понимаю, что только что сделала шаг, после которого назад дороги уже нет.

Я стою посреди кухни, тяжело дышу. Трусы лежат на столе, рядом со стаканом, между нами, как улика, как неопровержимое доказательство его измены.

Амир медленно отодвигает стакан в сторону, будто освобождает себе пространство.

— Твоя истерика ничего не изменит, — говорит он ровно, не повышая голоса.

Он встает, медленно никаких резких движений. От этого становится еще страшнее.

— Какой бы цирк ты ни устраивала, — продолжает он, — ребенок не появится.

Я открываю рот, но не нахожу слов. В груди жжет, в горле ком. Я хочу крикнуть, ударить, сделать хоть что-то, но тело не слушается, застыло в оцепенении.

— Сабина, разговор окончен, — бросает он и делает шаг мимо меня, будто меня здесь нет.

Я оборачиваюсь следом, чувствуя, как внутри все рушится.

— Амир... — голос срывается, — ты... Ты не хочешь мне объяснить откуда у тебя чужое женское белье?

Он останавливается в дверях кухни. Не поворачивается сразу. Сначала делает вдох. Потом медленно оборачивается.

— Иди в ванну, — говорит он будничным тоном, так как будто ничего не произошло. — Я жду тебя в спальне.

Я не двигаюсь.

— И еще, — добавляет он, уже берясь за косяк двери. — Завтра после клиники заедем за Аминой.

Имя дочки, заставляет задержаться дыханию в груди. Я напрягаюсь всем телом.

— И в следующий раз, — он наконец смотрит мне прямо в глаза, — когда соберешься оставить ее у сестры, ты должна спросить моего разрешения.

Каждое слово, отдается внутри так, как будто порез острого лезвия по коже.

Разрешения - это слово не звучит, как просьба, оно звучит как приказ.

Он разворачивается и уходит по коридору. Его шаги спокойные, уверенные. Ни тени сомнений. Дверь спальни закрывается негромко, но этот звук отзывается во мне глухим ударом.

Я остаюсь на кухне одна. С чужими трусами на столе. С холодным светом ламп, и с ощущением того, что только что меня не просто унизили, мне указалина *мое место*.

И где-то очень глубоко, под страхом и болью, во мне начинает медленно подниматься протест. Я не хочу соглашаться с тем, что муж мне пытается внушить. Это несправедливо. Это не по человечески. Я не вещь, которую можно переложить или задвинуть в угол, когда ему удобно. И как бы он сейчас не пытался запугать меня, я это так не оставлю. Ему придется объясниться со мной.

Я не иду в ванну. Да, я это делаю ему назло, против его прямого давления.

Я разворачиваюсь и иду в детскую: медленно, стараясь не спешить, будто это обычный вечер, будто я просто хочу проверить, все ли там на месте.

Сердце колотится так сильно, что кажется его слышно за пределами моей грудной клетки во всей квартире.

В детской темно. Я не включаю свет. Подхожу к кроватке, провожу ладонью по спинке, обычно Амина складывает сюда свои игрушки, но сейчас тут пусто. И от этой пустоты становится еще хуже. Мне хотелось почувствовать себя здесь в безопасности, а вместо этого, я ощущаю еще большую уязвимость.

Я достаю телефон. Руки дрожат, экран расплывается.

— Олесья... — голос ломается сразу, как только произношу имя сестры. — Он... его нельзя переубедить. Он завтра везет меня в клинику. Будет аборт.

Я замолкаю на секунду, сглатываю:

— Лесья... Я его боюсь.

На том конце пауза. Короткая, но очень тяжелая.

— Сабин, — голос сестры становится твердым. — Никакого аборта не будет. Слышишь меня? Ты ему дала шанс. Этого достаточно. Собирайся и приезжай обратно.

— Он меня не отпустит, — шепчу я. — Я... я правда его боюсь.

Снова тишина. Я слышу, как она кому-то что-то говорит вполголоса. Понимаю, что это не мне.

Потом слышу:

— Сабин, тогда так. Резких движений не делай. Не зли его. Завтра узнаешь адрес клиники, напишешь мне сразу. Егор поможет. Никакого аборта не будет. Поняла?

Я киваю в пустоту, забыв, что она меня не видит.

— Да, — говорю коротко и отключаюсь.

Телефон остается в руке несколько секунд, потом кладу его на полку и начинаю медленно раздеваться. Аккуратно, складывая одежду, будто от этого что-то зависит. Разбираю постель. Поправляю подушку.

Я стою к двери спиной. И вдруг будто выстрел слышу голос:

— С кем ты разговаривала?

Я резко оборачиваюсь. Амир стоит в дверях, прислонившись к косяку. Руки скрещены на груди. Он смотрит прямо на меня, не мигая. Свет из коридора падает на его лицо снизу, делая черты жестче.

Дыхание застревает в груди. Холод поднимается от живота к горлу.

Он смотрит несколько секунд, потом медленно, почти лениво, давит улыбку.

— Сабина... — тянет он. — Не думай, что ты умная.

Я не могу выдавить ни слова.

— Думаешь, я не понимаю и не вижу, что происходит? — он делает шаг внутрь комнаты, движется медленно будто хищник. — Давай на чистоту. Не впутывай в нашу семью свою сестру.

Он говорит спокойно.

— Ты сделаешь только хуже, — добавляет тихо. — Себе.

Остановившись в паре шагов, смотрит на меня сверху вниз.

— Сабина, я не пойму... — его голос становится жестче, — ты меня плохо поняла или не услышала?

Он наклоняет голову, будто оценивает.

— Я сказал: в ванну. И в спальню. Немедленно.

Я стою, не двигаясь. Тело не слушается. В ушах шумит. Мне хочется бежать. Сделать рывок и увеличить между нами расстояние, но я не успеваю сделать и шага. Как Амир резко оказывается рядом, устрашающе близко.

Сзади кровать и стена, отступить некуда. Меня накрывает волной холодного, животного страха.

— Амир... не надо...

Но он уже не слышит меня. В глазах слепая ярость. Он хватает меня за челюсть. Пальцы впиваются жестко, без предупреждения, голова дергается в сторону.

— Ты... — он рычит, и я впервые слышу этот звук от него. — Ты специально меня выводишь из себя? Скажи. Специально?

Я не успеваю ответить. Он тянет меня к двери, грубо, не разбирая, как я иду. Воздух застревает в груди, паника рвет изнутри.

Он тащит меня в ванную и толкает внутрь. Ноги подкашиваются, тело дрожит, будто не мое. Амир смотрит на меня мутным, диким взглядом. Я трясусь от страха.

Он снова подлетает, резко толкает к раковине. Я едва успеваю выставить руки и вцепиться в край, чтобы не удариться лицом. В следующую секунду он включает воду.

Пальцы сжимаются на затылке, в волосах. Он наклоняет мою голову вниз, под струю.

— Может, это приведет тебя в чувство, — цедит сквозь зубы.

Я ничего не чувствую. Ни боли, ни воды, только шок. Мир будто отдаляется, тело немеет.

— Амир... хватит... — голос срывается, когда я понимаю, что больше не могу.

Он отпускает. Резко. Перехватывает меня за локоть, дергает на себя. Вторая рука снова сжимает челюсть, так сильно, что в висках вспыхивает боль.

— Если ты не понимаешь нормального отношения, — говорит он тихо, почти спокойно, — значит, будет по-другому.

Он толкает меня к двери, не убирая руки.

— Быстро. В кровать.

Я не жду второго приказа. Страх уже не держит, он гонит меня в спальню. Я бегу в по коридору, спотыкаясь о ровный пол, падаю на кровать и зарываюсь лицом в подушку.

Замираю, вслушиваясь в его шаги тяжелые, уверенные. Они приближаются.

И я понимаю: это еще не конец, это только начало того, что он считает “нормой”.

Глава 6

Резко открываю глаза.

Тянущая боль прокатывается волной от плеч и острой резью останавливается внизу живота. Я переворачиваюсь на спину и так лежу несколько минут, уставившись в потолок, одновременно глажу ладонью по животу в надежде, что боль отпустит.

В голове пульсирует только одна мысль: я его ненавижу.

В груди глухо, будто там всё выжжено дотла. Слез нет. Я выплакала их ещё ночью, когда просила Амира о пощаде. Бесполезно. Он был как зверь, обезумевший от запаха крови, терзал
м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.